

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕРАСТАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКУЮ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.

С. Б. ШАТОХИНА

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
shatohina@bsu.edu.ru*

Рост общественно-политической активности на рубеже XIX – XX веков способствовал вовлечению женщин в политическую жизнь страны. Автор определил пути вовлеченности образованных женщин в политику и революционное движение. Рассмотрены особенности формирования мотивационных начал выбора женщиной политики как сферы приложения своих сил.

Ключевые слова: общественная деятельность, благотворительность, первая русская революция, гендерные исследования

На рубеже XIX – XX вв. общественная жизнь в российской провинции становится все более оживленной. Активное участие в ней принимали и женщины. Процессы эмансипации, постоянно подпитываемые по разным каналам, все глубже проникали в провинциальную среду. Женщины, прежде всего из состоятельной части провинциального общества, стремились попробовать свои силы и занять достойное место в самых разных сферах общественной жизни. Они все активнее вовлекаются в общественную жизнь, осваивая все новые и новые сферы деятельности, проявляя интерес к таким, до этого казавшимся чисто мужскими, занятиям, как живопись, спорт, наука и т.п. Все чаще женщины выступают наравне с мужчинами учредителями всевозможных общественных структур, а в действующих обществах порой являлись главной движущей силой в организации и проведении различных мероприятий¹. Одним из самых востребованных женщинами направлений общественной деятельности была благотворительность. Одновременно она была наиболее близкой, несмотря на кажущуюся парадоксальность, к сфере политики. Обращаясь к среде нуждающихся в помощи, погружаясь в жизненные проблемы этих людей, благотворители, в том числе и женщины, особенно неравнодушные и критически мыслящие, не могли не понимать необходимости серьезных и планомерных изменений в общественно-политической жизни страны. Видели они и то, что только благотворительностью этих сложных и системных проблем не решить. А значит, от общественной деятельности до политической активности был только шаг, который, конечно же, был по силам очень не многим.

Развивая благотворительность, женщины из состоятельных сословий провинциального общества формировали условия для более достойной жизни инвалидов, стариков, детей и женщин, оказавшихся в сложных, порой трагических жизненных обстоятельствах. Тем самым они воспитывали в себе и окружающих чувство сопричастности, ответственности обеспокоенности за настоящее и будущее не только конкретных людей, но и за судьбу общества и страны. Это только одна составляющая из формирующегося в России гражданского общества. С другой стороны масштабы, а главное успехи, благотворительной деятельности не могли не способствовать появлению и укреплению несколько иного общественного движения. Рубеж XIX – XX вв. ознаменовался созданием большого числа обществ и касс взаимопомощи. Как правило, их создавали представители тех профессиональных групп, жалование и доходы которых не обеспечивали достойных их социальному статусу условий жизни. Самыми распространенными из объединений подобного рода в провинции были «Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в народных училищах». Пер-

¹ Шатохина С.Б. Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX – XX веков (по материалам Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2009. №13 (53). Выпуск 7. С. 91.

вые общества взаимопомощи учителей были созданы ещё в 1860-х гг. В 1894 г. был утвержден типовой устав таких обществ, который основными целями обществ ставил оказание материальной помощи работникам просвещения, поиск для них работы, предоставление удешевленной медицинской помощи, заботу об улучшении условий труда, снабжение педагогической литературой и др. В начале XX в. в российской провинции работало более 70 таких обществ, в которых состояло несколько десятков тысяч членов. Общества имели в своем составе различные полезные учителю структуры. Так, в 20 объединениях работали библиотеки, а в 9 – кабинеты для чтения, в 2 – педагогические музеи. 18 обществ создали общежития для обучавшихся в городе учительских детей, 25 – квартиры для приезжающих в города учителей. Двум обществам удалось открыть собственные санатории для оздоровления педагогов².

В Воронежской губернии в 1913 г. действовало два общества взаимопомощи педагогических работников. Они оказывали существенную материальную помощь нуждающимся и больным учителям. Так, «Общество вспомоществования учащим в низших учебных заведениях г. Воронеж» на эту цель за 1913 г. израсходовало 1278 руб. 12 коп., а «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившихся в г. Богучаре» – 409 руб. 39 коп.³

Так женщины российской провинции вместе со всем обществом российской империи рубежа XIX – XX вв., участвуя во всевозможных благотворительных и патронатных обществах, учились «самозащите и взаимопомощи, отстаиванию своих интересов и противостоянию не только власти, но и «стоимостному тоталитаризму» и стихии рынка, противодействию всем разновидностям монополий, борьбе с нищетой и бедностью»⁴.

В рассматриваемый период общественная жизнь России характеризовалась постоянно нарастающим процессом секуляризации духовной жизни, прежде всего образованной части населения. Появление и распространение атеизма как общественного движения происходило и как следование идеологии марксизма, и как нигилистическая мода, и как реакция на кризисные явления в жизни православной церкви. Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что церковь, превращенная Петром I в один из государственных институтов, часто действовала себе во вред, прибегая к бюрократическим методам во взаимоотношениях с паствой. Серьезным ударом по разрушению лояльного отношения к церкви, а часто и по вере, молодого поколения были принудительные меры по обязательному и публичному выполнению церковных обрядов в учебных заведениях. Так, по воспоминаниям Е.Н. Куцевой, которая обучалась в 1-ой Саратовской женской гимназии с 1909 г., учебный день обязательно начинался с общей молитвы, после которой ученицы пели национальный гимн, стоя перед огромным во весь рост портретом Николая II. Кроме того, учащиеся гимназии под контролем классных дам должны были посещать молебны, ходить на исповедь и причастие. Это и сформировало стойкую неприязнь гимназисток к казенному отправлению религиозных обрядов – «мы, особенно в старших классах, не любили церковь и духовенство»⁵.

Как можно было уважительно относиться подрастающему поколению к духовенству, если они часто наблюдали, как священники небрежно относились к выполнению своих обязанностей преподавателей Закона Божия, считая их второстепенным занятием по сравнению с собственно священническими. Халатное отношение к обучению детей в итоге рождало у учащихся скепсис в отношении церкви и религии, а также создавало проблемы детям при поступлении в учебные заведения следующей

² Ушаков А.В. Общественные организации интеллигенции и государственная власть в России в конце XIX – начале XX вв. // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 32.

³ Обзор Воронежской губернии за 1913 год. Воронеж, 1914. С. 72, 74.

⁴ Лачаева М.Ю. О роли общественных организаций дореволюционной России в становлении гражданского общества // Преподаватель XXI век. 2007. № 4. С. 125.

⁵ Куцева Е.Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 129-130.

ступени, так как в число вступительные испытания входил экзамен по этому предмету. Например, в августе 1912 г. ученицы Барнаульского городского училища поступали в местную женскую гимназию. Учитель словесности гимназии вынужден был принимать экзамен по Закону Божьему вместо не приехавшего вовремя (!) гимназического законоучителя. Священник, преподававший в городском училище, «страшно манкировал своими уроками», что и сказалось на подготовке девочек. «Грехи законоучителя ясно сказались, так как девицы проявили невежество даже в таких вещах, которые знают пригостишки. При таких нелепых ответах, которые они давали даже на самые элементарные вопросы, поставить удовлетворительный балл было совершенно не за что, и вся комиссия ставила двойки»⁶.

Во всех учебных заведениях главным предметом, изучавшимся все годы обучения, был Закон Божий. Не являлись исключением и женские учебные заведения. Такое тупое насаждение православной догматики и назойливое воспитание христианских добродетелей вызывало недовольство и стихийное, внутреннее (порой вырывавшееся и наружу) сопротивление подрастающего поколения. Вот как об этом вспоминает известная отечественная деятельница либерального движения А. Тыркова-Вильямс: «Я даже главных молитв не выучила и вынесла из школы глупое, упрямое отрицание текстов и их толкований...». Законоучителя «раздражало, что какая-то третьеклассница с косичками задает вопросы, которые он считал дерзкими. Он ставил мне плохие отметки, читал длинные, язвительные наставления о невежественной гордыне ума и все дальше отгонял меня, школьницу, от православия... К несчастью, таких законоучителей было губительное множество. Их официальное, холодное, прямолинейное отношение к урокам отчуждало от религии молодежь и без того зараженную безверием XIX века»⁷.

Несмотря на то, что крестьянская среда и в начале XX в. в основной своей массе стойко придерживалась традиционного отношения к православию, некоторые крестьянские девочки, попадая в гимназию уже по-иному начинали воспринимать и известный им из начальной школы Закон Божий, и саму религию. Например, вышедшая из крестьянской семьи Евдокия Комарова так сформулировала свои впечатления от преподавания этого предмета в гимназии одного из небольших городов Ярославской губернии: «А всего тяжелее было изучать Закон Божий, который насаждал священник. Не то, что он мне не давался, я его не любила, не раз меня ставили на колени на шишки, но все равно я его не учила, и все наказания меня не устрашали...»⁸.

На укрепление тенденции негативного отношения молодого поколения к церкви, духовенству, религии влияли не только факторы политико-идеологического плана. Сам строй учебного плана средней школы, да даже и начальной, содержание предметов естественно-научного цикла также способствовали этому, так как успехи и достижения естественных наук находили свое отражение в программах соответствующих учебных предметах, входя в противоречия с некоторыми положениями христианского учения о сотворении и развитии мира. Это не могли не замечать школьники и обращали на это внимание учителей, которые в большинстве случаев разделяли озабоченность детей. Поэтому и появлялись в начале XX в. в легальной печати сочинения учащихся с размышлениями, подобными тому, что писала ученица пятого класса одной из московских гимназий Е. Кобанова: «Чаще всего, конечно, у нас, как и везде теперь, поднимаются вопросы о религии, потому что нам по одной науке приходится проходить одно, а по другой – совершенно противоположное первой»⁹.

При возникновении подобных противоречий гимназистки обычно становились на точку зрения науки. В этих ситуациях авторитет церкви и духовенства неиз-

⁶ Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии (Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911-1915 годы). СПб., 1998. С. 126.

⁷ Цит. по: Котлова Т.Б. «... Много хороших воспоминаний осталось от гимназии» (женское образование в России сто лет назад) // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 256.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Первые шаги. Сборник учениц 5-го класса женской гимназии М.Г. Брюхоненко. М., 1908. С. 31.

бежно падал. Это видели и понимали трезво мыслящие церковные иерархии, истинно верующие светские прогрессивные деятели. Однако Священный Синод вкуче с чиновниками Министерства народного просвещения упорно проводили политику, как будто специально направленную на подрыв идеологических устоев государства и уже пошатнувшегося авторитета православия. Ничего, кроме возмущения и негодования, не вызывали постоянно рассылавшиеся Министерством и Синодом циркуляры по принуждению учебных заведений к выполнению каких-либо очередных предписаний, направленных на воспитание подрастающего поколения в духе истинного православия. «Сегодня, например, читали опять новый циркуляр, рекомендуемый нашему вниманию предложение Синода о внедрении в учащихся религиозного духа. И чего тут только нет! И обязательное посещение богослужения, и чтение Евангелия на молитве, и присутствие на ней преподавателей, и внеклассные собеседования на религиозные темы. Одним словом, целый ряд уже испытанных мер, которые, как известно, конечно, и Синоду, – создают из семинаристов наиболее яростных атеистов. Хорошо еще, что у нас в совете не нашлось ни одного сторонника этих мер, и все обсуждения циркуляров сводилось к тому, нельзя ли как-нибудь обойти его»¹⁰. Как нам кажется, выше приведенная цитата из дневника Н.Ф. Шубкина, является достаточно мягкой реакцией на описываемые события, так как она фиксировалась на бумаге, то автор несомненно смягчил свою оценку. Однако и в этой редакции запись содержит раздражение автора. Примечательно и то, что педагоги гимназии обсуждали циркуляр под определенным углом – «нельзя ли как-нибудь обойти его»!

Женская эмансипация развивалась с тем или иным успехом по всем направлениям. Рост политической активности различных слоев населения сопровождался вовлечением в их среду именно образованных женщин обычно из семей дворянства и чиновничества. Практически все политические партии, заявившие о себе в общероссийском масштабе после 17 октября 1905 г., в той или иной степени, в соответствии со своими программными установками, обращались к женской части населения. Однако слабее всего это делали правые и центристские партии, где в основном преобладали традиционные представления о роли женщин в общественно-политической жизни страны. Тем не менее, даже такая ультра правая организация, как Союз русского народа, стремилась привлечь «матерей учащейся молодежи» в свой состав. Так, например, воронежский отдел партии осенью 1906 г. предпринял попытку создать «материнский кружок», чтобы через него организовать воздействие на молодое поколение в «целях укрепления христианской нравственности»¹¹. Как видим, «материнский кружок» это всего лишь вспомогательный инструмент в деятельности одного из региональных отделов Союза русского народа. Его руководители видели в женщинах – матерях учащейся молодежи – своих агентов влияния, придавая природной функции определенную политико-идеологическую окраску. Интересно, что подобный подход, робко заявленный правыми в Воронеже в период первой русской революции, будет активно использоваться в XX в. всеми тоталитарными режимами.

Участие женщин в дворянской либеральной фронде также практически не прослеживается. Даже если женщины и разделяли монархические или либеральные взгляды своих мужей, братьев, сыновей, они не могли участвовать в этом движении на равных с мужчинами по устоявшейся дворянской корпоративной традиции, закрепленной в нормативных документах и закрывавшей дворянские институты самоуправления для прямого участия женщин. «Женщины-дворянки в Российской империи не могли сами участвовать в делах дворянских собраний, избирать или быть избранными на должности в дворянских сословных корпорациях. Однако они не были вовсе лишены избирательных прав: при условии обладания недвижимым имуществом, размеры или стоимость которого соответствовала имущественному цензу, предусматривавшему для осуществления прямого активного избирательного права, дворянка

¹⁰ Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии... С. 60.

¹¹ Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903-1917. Воронеж, 2002. С. 118.

могла делегировать избирательные полномочия своему ближайшему родственнику – мужу, сыну или зятю, но лишь в том случае, когда указанные лица сами являются потомственными дворянами и были занесены в родословную книгу губернии»¹².

Возможно, что такое ограничение прав дворянок в корпоративной среде было тем фактором, который имел, по крайней мере, два фундаментальных последствия. Первое заключается в том, что в правых и центристских партиях женщины не были представлены или представлены были крайне слабо. Если же эти политические силы и обращались за поддержкой к женщинам, то делалось это для того, чтобы использовать их на вспомогательных направлениях, как в случае «материнским кружком» в Воронеже. Или же поддержка эта выражалась в создании близких по идеологии, так называемых патриотических организаций. Так, в 1907 г. был создан Союз русских женщин, находившийся в тесной связи с Русским собранием и Союзом русского народа, о чем свидетельствует прямое указание одной из статей Устава, согласно которой в случае закрытия Союза русских женщин средства его должны будут переданы двум выше указанным правым партиям. Союз в своей деятельности находился под патронажем императрицы Александры Фёдоровны¹³. Примечательно, что на местах его отделения организовывались женщинами, которые были членами семей активных деятелей правых партий. Например, в 1908 г. в Воронеже жена лидера местной организации Всероссийского национального союза В.А. Бернова – Мария Бернова создает первую в губернском центре «женскую благотворительную патриотическую организацию» – отделение Союза русских женщин. Несмотря на небольшую численность (всего 20 человек), воронежская организация развила бурную деятельность. За неполный год женщины собрали пожертвований на сумму 2308 руб. 37 коп. Эти средства пошли на оказание помощи бедным, которая оказывалась накануне важных православных праздников, на организацию и функционирование приюта «Ясли» «для детей работниц и интеллигентных тружениц». Через «устройство патриотических чтений» женская организация вела и пропагандистскую деятельность, конечно же, в интересах Всероссийского национального союза. Насколько успешной была работа воронежского отделения Союза русских женщин после 1908 г. исследователям из-за отсутствия источников выяснить не удалось. Известно только, что отделение просуществовало до 1916 г.¹⁴

Вторым, но не по степени важности и масштабам последствий, являлось то обстоятельство, что традиционалистский взгляд на место женщины в российской политике и социуме большинства лидеров, идеологов и практиков партий правого и центристского характера фактически выталкивал образованных социально-активных женщин в те политические группы, в которых женщины рассматривались товарищами по совместной борьбе. Поэтому в радикальных подпольных группах и партиях женщины иногда играли ключевые роли.

Каковы же причины и мотивы выбора образованными женщинами такого жизненного пути? Можно выделить несколько путей, по которым образованные женщины приходили в политическую борьбу и революционное подполье. Различие путей обусловлено доминирующим мотивом или обстоятельством.

Литературно-героический путь сформировался под влиянием революционно-демократического направления в отечественной художественной литературе и публицистике. Идеи служения народу, воспринятые романтической и увлекающейся натурой через литературных героев Н.Г. Чернышевского, вскоре переставали быть только идеями и мечтами, а становились смыслом жизни.

Бытовой путь был обусловлен радикальной неудовлетворенностью материальной составляющей и духовными основами своей жизни, жизни своих родных. Нужда и лишения, которые испытывала семья, по мнению молодой девушки резуль-

¹² Ильин А.В., Карамьшев О.М. Юридические основания сословных корпораций дворянства в великорусских губерниях Российской империи // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития. Второй научный семинар С.Петербургского Дворянского Собрания. СПб., 1996. С. 12.

¹³ Отчет Союза русских женщин. СПб., 1912. С. 19.

¹⁴ Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии... С. 129.

тат деятельности государства и существующего общественно-политического строя. Для некоторых путь этот мог начаться с трагических событий. Например, это могла быть смерть отца чиновника, когда семья оставалась без средств к существованию. В этой ситуации совершенно кощунственным оказывается требование со стороны государства взыскать с родственников умершего не внесенного своевременно денег за пожалованный монархом орден. Так, в марте 1893 г. было предписано «удержать из единовременного пособия дочери умершего бывшего стряпчего Курской палаты казенных дел Баратынского» 20 руб. за орден Св. Анны 3 степени⁴⁵.

Академическим путем можно назвать те ситуации, когда учащиеся девушки знакомились с либеральными и радикальными идеями в стенах учебных заведений через своих подруг, а, приняв эти идеи, вовлекались в практику политической жизни и революционной борьбы.

События первой русской революции охватили в той или иной степени практически все социальные группы российского общества, в том числе и женские их половины. Одной из активных социальных групп в годы революции была учащаяся молодежь. Уже 8 февраля 1905 г. начались волнения в учебных заведениях Курска. Из Курской духовной семинарии они перекинулись в другие учебные заведения города, «начались волнения среди учащихся в мужской гимназии и реальном училище, перешедшие затем в 1 и 2 женские гимназии, учительскую семинарию, фельдшерскую школу и частную школу для приготовления учительниц народных школ г-жи Рутцен. Спокойною оставалась только частная женская гимназия, содержащая г-жою Красовской. Во всех учебных заведениях, где возникли волнения, ученики и ученицы старших классов обращались к начальствующим лицам с настойчивыми просьбами разрешить им совещания между собою, а младшие вели себя крайне беспокойно...»⁴⁶.

12 февраля учащиеся мужской гимназии вышли на демонстрацию и направились к реальному училищу, начальство которого своих учеников заперло в здании училища и не выпустило на улицу. «Между тем толпа, увеличенная уже учениками других учебных заведений, направилась к женской гимназии. Гимназисток тоже начальство не выпустило, заперев их в раздевальню. Несколько гимназисток выскочили раздетыми и прокричали, что они не могут присоединиться к пришедшим, так как у них еще не выработаны их требования. Стоявшие тут полицейские кулаками в грудь втолкнули их обратно в гимназию»⁴⁷. Меры предосторожности, принятые руководством женской гимназии и реального училища, уберегли их учащихся от того, что последовало дальше. Группа учащихся, вышедшая на стихийную демонстрацию была жестоко разогнана полицией и курскими «охотнорядцами», 17 учащихся были избиты, некоторые из них очень серьезно. Следующая массовая активность учащейся молодежи Курской губернии приходится уже на период Всероссийской октябрьской политической стачки.

Не остались в стороне от событий первой русской революции и учительницы земских школ. Так в 1906-1907 гг. в Щигровском уезде Курской губернии действовала подпольная революционная организация «Щигровский крестьянский союз», руководство которого смогло сформировать в населенных пунктах уезда 37 районных комитетов, в состав которых входило около 900 чел. Когда союз был разгромлен, то среди 96 чел., арестованных и привлеченных к суду по этому делу «оказались два члена Государственной думы, священник, несколько дворян, два студента и несколько сельских учителей и учительниц»⁴⁸.

Атмосфера настроений и жизни учащихся женской гимназии в г. Барнауле в годы первой русской революции ярко и образно охарактеризована в дневнике преподавателя этой гимназии Н.Ф. Шубкина. «Я помню ту молодежь, какая училась у меня

⁴⁵ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 303. Л. 188.

⁴⁶ Из докладной записки начальника Курского землемерного училища управляющему межевой частью Министерства юстиции о прекращении занятий в училище // Революционные события 1905-1907 гг. в Курской губернии. Сб. док-в и мат-в. Курск, 1955. С. 42.

⁴⁷ Корреспонденция в газете «Вперед» о разгоне и избитии демонстрантов-учащихся в г. Курске // Из истории Курского края. Сб. док-ов и мат-в / Введ. П. Иванова. Воронеж, 1965. С. 342.

⁴⁸ Из отчета губернатора о революционном движении в Щигровском у. в 1906-1908 гг. // Из истории Курского края... С. 357.

первый год моей службы (1907 – С.Ш.) Гроза унеслась уже тогда; но море русской жизни ещё не успокоилось. И молодежь жила отзвуками недавней бури. Она много ждала, интересовалась жизнью общественной и политической, стремилась к самодеятельности. У неё были различные кружки, издавались различные журналы. Даже в сфере чисто научной, далекой от политики, у неё были более серьезные интересы. Восьмиклассницы, например, тогда по собственной инициативе выписывали журнал «Свободное воспитание», организовали кружок. Главным учителем их тогда была сама жизнь. Она задавала их молодым умам целый ряд вопросов, и она же предлагала на них различные ответы. Педагогам приходилось только за запросами учеников, чутко воспринимавших все живое»¹⁹.

Завершение первой русской революции не означало прекращения общественно-политической активности. Образованную элиту российской провинции, особенно учащуюся молодежь, продолжали волновать проблемы, ставшие актуальными в период революции. Например, все тот же Н.Ф. Шубкин осенью 1912 г. сделала такую запись в дневнике о своих ученицах VIII класса: «... я был приятно удивлен, увидев многих из них на лекции у местного депутата, говорившего о своей деятельности в Думе. После этого я спрашивал их, обратили ли они внимание на его отношение к народничеству, и ученицы казались как будто уже будущими гражданками»²⁰.

Таким образом, активное участие в общественной жизни повышало социальный статус женщины, придавало уверенность в своих силах, дарило чувство необходимости и полезности своей работы и себя для общества. Кто-то находил для себя в этом смысл жизни, а кто-то, оттолкнувшись от этого «малого дела», устремлялся к большему – переустройству, если не мира, то общественно-политического строя страны. По-разному женщины приходили в политику. Несмотря на предложенную выше типологию путей образованных женщин российской провинции в политику, в каждом конкретном случае у женщины были свои нюансы мотивировки. Спектр форм вовлеченности женщин в политическую жизнь был достаточно широк: от побочного интереса и отстраненного наблюдения до самопожертвования за идеалы какой-либо политической силы. Масштаб вовлеченности женщины в политику, конечно же, зависел от градуса накала политических страстей в стране в целом и в конкретном регионе или городе. Если попытаться это проиллюстрировать графиком, то до 1905 г. степень вовлеченности образованных женщин российской провинции в политическую жизнь будет выглядеть едва заметной пунктирной линией, слегка приподнимающейся к началу первой русской революции над нулевой отметкой. При этом участие женщин в других составляющих общественной активности можно смело представить в виде уверенной заметно растущей кривой уже с середины 90-х гг. XIX в. В 1905-1907 гг. политическая линия описывает крутой взлет, а затем такой же спад. И если она не превышает отметки неполитической общественной активности женщин в этот период, то вполне с ней сравнивается. После революции женская политическая деятельность замирает, но она продолжает быть заметной линией на нашем умозрительном графике и в реальной жизни.

PECULIARITIES OF TRANSFORMATION OF THE WOMEN`S SOCIAL ACTIVITY INTO POLITICAL ONE IN THE RUSSIAN PROVINCE IN EARLY XX CENTURY

S. B. SHATOKHINA

Belgorod State University

*e-mail:
shatohina@bsu.edu.ru*

Increase in socio-political activity at the turn of XIX to XX century facilitated women`s involvement into the political life of the country. The author determined the ways of engagement of educated women in politics and revolutionary movement. The peculiarities of motivation formation of choosing politics are considered.

Key words: social activity, charity, First Russian Revolution, gender studies.

¹⁹ Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии... С.40.

²⁰ Там же. С. 137.